

Проблемы посреднической функции восточноазиатских вариантов английского языка для русских коммуникантов

Общение с китайскими, корейскими и японскими коммуникантами на английском языке представляет определенные сложности для русских, даже прекрасно владеющих английским языком. Это связано с тем, что, выполняя глобальную функцию и сохраняя локальные черты, неродной для пользователей английский язык имеет не только особенные фонетические черты, проявляющиеся в акценте устной речи, но и определенные графические инновации, затрудняющие перевод имен и реалий на русский язык в письменной коммуникации. Проблемы, возникающие в этой связи, обусловлены несколькими системами транслитерации, существующими в этих языках, нетрадиционными звукобуквенными корреляциями по сравнению с британским или американским вариантами английского языка, нетрадиционными переводными корреляциями транслитерации латиницы на кириллицу. Собственно переводческие проблемы усложняются семантико-лексическими и прагматическими факторами, интерпретация которых возможна лишь на культурном базисе. Эти проблемы обуславливают необходимость интеграции контактной вариантологии в программы и курсы по обучению английского языка, перевода и межкультурной коммуникации и создания специальных учебных справочных пособий.

Ключевые слова: английский язык как лингва франка, вариант английского языка, восточноазиатские варианты английского языка, понимание, фонографический уровень, семантика, прагматика.

Communicating with Chinese, Japanese, and Korean users in English is a challenge for Russians, even if they have a perfect command of English. This is due to the fact that while performing a global function and retaining local features, the English language, non-native to its users, has specific phonetic features revealed as an accent in oral speech, as well as certain graphic innovations, which aggravates translating proper names and culture-loaded words into Russian in a written form of communication. The challenges result from co-existence of several transliteration systems in these languages, non-traditional sound and letter correlations as compared with British and American Englishes, non-traditional translation correlations when transliterating from Roman to Cyrillic. Translation problems proper are complicated by lexico-semantic and pragmatic factors, which can be interpreted only on the cultural basis. These challenges make it necessary to integrate the World Englishes paradigm into the courses of English departments, as well as preparing special textbooks and reference sources.

Keywords: English as a lingua franca, a variety of English, East Asian Englishes, understanding, phono-graphical level, semantics, pragmatics.

Введение

Глобальность английского языка, несомненно, сопровождающаяся присутствием в нем различных локальных черт, возникших в результате контактов с родными языками пользователей, для которых этот язык не является родным, и отражающих картины мира, обусловленные спецификой менталитета и культуры пользователей, привела к образованию вариантов, называемых *World Englishes* — термин, введенный американским лингвистом Баджем Качру [1]. Поскольку большая часть коммуникации на английском языке происходит между носителями английского языка, многих исследователей [2–4] интересует использование вариантов в межкультурном общении в качестве языка-посредника, или лингва франка. Следует отметить, однако, что возрожденный А. Фиртом [5] термин *English as a Lingua Franca* в настоящее время не исключает из сферы своего употребления носителей языка, которым также приходится подстраиваться под пользователей других вариантов английского языка, как родного, так и неродного. Вот почему английский как лингва франка определяется как язык-посредник, который играет роль средства общения между носителями разных национальных (этнических) языков, включая его носителей как родного языка [6; 7].

В каждом из вариантов отмечаются дистинктивные признаки, отличающие данный вариант от других, но в то же время эти признаки не являются уникальными, присущими только одному этому варианту: они составляют пул языковых тенденций, которые в разном количественном и качественном отношениях проявляются от варианта к варианту. Больше всего характерных

черт мы слышим в фонетическом акценте (на сегментном и суперсегментном уровнях), в лексическом составе и иногда в грамматике. Энтропия в восприятии информации и ее понимании может иметь место на каждом из этих языковых уровней. В контактной вариантологии английского языка популярностью пользуется теория понимания вариантов Л. Смита [8; 9]. Согласно этой теории понимание происходит на уровне распознавания фонографических элементов, выделяемых в потоке устной и письменной речи, что соответствует английскому термину *intelligibility*; на семантическом уровне идентификации значений (*comprehensibility*) и на прагматическом уровне интерпретации смысла, разделения фоновых знаний, осознания коммуникативной интенции отправителя высказывания (*interpretability*). Трудности понимания иного, неродного, варианта английского (как и любого другого плюрицентричного языка [10]) встречаются на всех трех этапах: необходимо правильно выделять звуки, слоги в устном потоке речи, сопоставлять их со знакомыми и предполагаемыми фонетическими единицами в случае их отклонения, соотносить буквы с привычными коррелятами в письменной речи, что особенно важно для идентификации собственных имен и реалий; определять контекстное значение слова, которое может изменить свое словарное значение, выявлять значение неологизмов, созданных на основе английских корней и аффиксов; выяснять, какая информация заложена между строк и что подразумевал автор в своем высказывании.

Все эти трудности встречаются как в прямой коммуникации с англоязычными пользователями, носителями разных вариантов (о «носителях вариантов» см.: [11]), так и в работе переводчиков, которые фактически делают межвариантный перевод, переводя текст с англоязычного варианта коммуниканта, для которого нередко английский не является родным, на свой родной вариант английского языка, что составляет так называемый внутренний перевод [12], а далее на русский язык для реципиента, не знающего английского языка. Межвариантный перевод можно назвать опосредованным переводом, поскольку в нем английский язык играет роль языка-посредника между представителями двух разных культур.

Фонографические проблемы

Проблемы, возникающие на первом этапе понимания восточноазиатских слов (китайских, корейских и японских), обусловлены следующими факторами:

- несколько систем транслитерации, существующих в этих языках (старый и новый стандарты латиницы);
- нетрадиционные звуко-буквенные корреляции по сравнению с британским или американским вариантами английского языка;
- нетрадиционные переводные корреляции транслитерации латиницы на кириллицу;
- перенос некоторых черт фонологической системы родных языков на англоязычное произношение звуков;
- различия в дистрибуции звуков, слогообразовании, ударении и ритмике.

Первый фактор — существование нескольких систем латинизации — особенно характерен для китайских и корейских слов. В Китайской Народной Республике современный стандарт латинизации, называемый пиньинь, был разработан еще к концу 1950-х гг., но реальное распространение получил лишь после Культурной революции в конце 1970-х гг. В 1977 г. пиньинь был утвержден на Третьей конференции ООН по стандартизации географических наименований и начал использоваться в международном масштабе. Однако параллельно пиньинь функционировала и более старая форма транслитерации с китайского на латиницу, введенная британскими синологами Т.Ф. Уэйдом и Г.А. Джайлзом и потому называемая системой Уэйда–Джайлза. Книги и статьи о Китае издавали, используя то одну то другую систему, а то и обе одновременно. И в английском языке они функционировали в одной и другой системах: *tai ji* (пиньинь) = *tai chi* (Уэйд–Джайлз); *gong fu* (пиньинь) = *kung fu* (Уэйд–Джайлз).

В переводе с английского языка на русский переводчики нередко передавали его в англизированной форме: *тайджи* или *тайчи*, *гонгфу* или *кунфу*, что противоречит традиционно сложившимся китайско-русским соответствиям — *тайцзи* и *гунфу*. В 2000 г. Библиотека Конгресса США приняла окончательное решение перевести все свои каталоги китайских источников на пиньинь, что означало окончательное торжество новой системы стандартизации над старой в мировом масштабе. Однако отдельные слова продолжали мелькать в латинице Уэйда–Джайлза, особенно это касалось фамилий, бытовавших на Тайване, в Сингапуре и отчасти Гонконге. Там и в настоящее время могут встречаться и более ранние формы латиницы (например, *Lee Kuan Yew*). Примерами старых форм латиницы являются фамилии, начинающиеся на *Hs-* (*Hsu, Hsi*), *Ts-* (*Mao Tse-tung, Tsai*), заканчивающиеся на *-ien* (*Chien, Hsien*), *-h* (*Andy Lau Tak-wah, Goh Chok Tong, Chiang Chieh-shih*), на смычную согласную (*Chiang Kai-shek*) (о сопоставлении систем латинизации китайских слов (см.: [13]).

В Корее до 2000 г. использовалась система латинизации, созданная в 1930-х гг. американскими востоковедами Дж.М. Маккьюном и Э.О. Рэйшауэром. Она была популярна в Европе, США и других англоязычных странах. В 2000 г. правительство Республики Корея утвердило новый государственный стандарт латинизации, подготовленный корейскими учеными. Несмотря на то что новая система была подвергнута критике со стороны европейских и американских корееведов, она стала международным стандартом в настоящее время [13]. Вместе с тем ряд имен остался в старой латинице, а порой и в индивидуальном варианте написания: *Roh Tae-woo, Park Jin-young*.

Второй фактор — нетрадиционность звуко-буквенных корреляций по сравнению с британскими или американскими вариантами английского языка — выявляется при чтении китайских, корейских и японских слов. Например, в китайских словах, встречаемых в английских текстах, буква *Q* читается как аффриката: *qigong* /tʃi:ˈɡɒŋ/; необычно произносится буква *X*: *Xian* /ʃi:ˈaɪ/; не всегда традиционно произносятся гласные: *feng shui* /fɛŋ ˈʃweɪ/ [14].

Третий фактор представляет собой проблемы для опосредованного перевода нетрадиционными переводными корреляциями транслитерации латиницы на кириллицу. Так, при переводе китайских слов следует иметь в виду, что финальная *-N* транслитерируется двумя буквами *-НЬ*, а буквосочетание *-NG* передается одной *-Н* (*yin & yang* — *инь и ян*); согласная *S* в пиньинь передается *Ц* (*caoshu* — *цаошу*), *J* — палатализованным диграфом *ЦЗ*¹ (*Jinjiang* — *Цзиньцзян*), *Q* — палатализованной *Ц'* (*Qinuan* — *Циньюань*), *R* — в начале слога соответствует русской *Ж* (*Renmin Ribao* — *Жэньминь Жибао*), *X* транслитерируется как палатализованная *С'* (*Xianggang* — *Сянган*), *Z* коррелирует с непалатализованным диграфом *ЦЗ* (*Mao Zedong* — *Мао Цзэдун*), *ZH* — *ЧЖ* (*Enlai* — *Чжоу Эньлай*); финаль слога *-ONG* передается как *-УН* (*Guangdong* — *Гуандун*). Ряд букв в китайских именах в русском переводе остаются немymi: *U* перед *O* (*Guomindang* — *Гоминьдан*; *luoran* — *лопань*), *W* перед *U* (*Wuhan* — *Ухань*).

В японских словах нетрадиционная переводческая корреляция характерна для буквосочетания *SH*, переводимого палатализованным *С'* (*Hiroshim* — *Хиросима*); *CH*, соответствующего палатализованной *Т'* (*Chukyo* — *Тюкё*); *J* — палатализованной *ДЗ'* (*judo* — *дзюдо*); *Z* — непалатализованной *ДЗ* (*Zen* — *Дзэн*).

При переводе корейских слов, записанных в новом стандарте, приходится оглушать звонкую согласную в начале слова (*Busan* — *Пусан*), глухую согласную передавать диграфом с русской буквой *X* (*Pohang* — *Пхохан*, *Taebaek* — *Тхэбэк*; *juche* — *чучхэ*); гласный диграф *AE* соответствует русской гласной *Э* (*taekwondo* — *тхэквондо*); диграфы *EO* и *EU* имеют немую *E* и соответствуют в русском *O* и *Ы* (*Incheon* — *Инчхон*; *Gangneung* — *Каннын*).

Что касается трансференции фонологических черт родных восточных языков пользователей английского языка, то в первую очередь следует отметить проблемы с произнесением /л/ и /r/, являющихся вариантами одной фонемы в восточных языках и потому часто подвергающихся

¹ Мягкий знак в верхнем регистре означает произнесение мягкой согласной; на письме он не пишется.

субституции; при этом японцы предпочитают вариант с /r/ (*Ingrish* < *English*), китайцы — /l/ (*lok* < *rock*; *laim* < *rhyme*). По этой же причине корейцы представляют одну и ту же фамилию в двух вариантах: *Lee* и *Rhee*.

Некоторые щелевые согласные, особенно /f/ и /v/, отсутствуют в языках восточных пользователей, поэтому заменяются на смычные /p/ и /b/: [pemininə] *feminine*; [betikən] *Vatican*.

Фонетически нерелевантным признаком в восточных языках является глухость-звонкость согласных, поэтому может происходить их подмена: *oben* < *open*; *push* < *bush*.

В распознавании устной речи восточноазиатских пользователей английского языка большую сложность представляет вставка эпентетических гласных в скопление согласных и в конце слов, заканчивающихся на согласный, поскольку слоги, включающие в себя ряд согласных или заканчивающиеся на смычный или щелевой согласный, не характерны для китайского и японского языков и весьма ограниченно встречаются в корейском. Поэтому можно услышать [aisukurimu] вместо *ice-cream*; [supoken] *spoken*; приводят к смещению ударения [sutureindzi] *strange* и т.д. Слогообразовательные нарушения вызваны плюс-сегментацией и минус-сегментацией [15], что чрезвычайно затрудняет понимание слова.

Вспоминается случай, когда группа преподавателей английского языка, участвовавшая в работе конференции, проходившей в Сеуле, поехала на экскурсию по городу. Гид хорошо говорила по-английски, и проблем с пониманием того, о чем она рассказывала, не было. Но к концу дня стало чувствоваться, что она начала уставать, поскольку в ее речи все больше появлялось трансферентных черт из корейского языка. Когда мы подъехали к королевскому дворцу, то услышали: “This is a *bull house*”. Тут же всем русским преподавателям захотелось узнать, какое отношение имеет дворец к быкам. В ответ на вопрос: “Why do you name it ‘bull house’?” («Почему Вы называете его *bull house* (бычий дом)?»), мы услышали: “Because its *rufu* is *bílu* (its *roof* is *blue*)” («У него голубая (*blue*) крыша»). Вставка эпентетического гласного, смещение ударения и опущение неударного гласного привели к коммуникативному конфузу.

Подобного рода конфузы встречаются и в письменной речи, когда наименование, например, населенного пункта, воспринимаемого восточным журналистом, записывается им под влиянием его фонологической системы и становится трудноузнаваемым. Так, например, только зная описанные трансферентные проблемы, можно вывести из формы *Bogelaniqinei* название русского поселка *Пограничный*: *A train climbs a mountain pass toward China’s border city of Suifenhe, a center of trade. The train originated in Bogelaniqinei, a city in one of Russia’s maritime provinces* [16].

Семантические проблемы

Трудности понимания лексических значений слов могут быть вызваны рядом причин: использованием незнакомых слов-реалий; созданием новых слов на английском материале; использованием калек; изменением значения слов; нетрадиционными коллокациями.

Слова-реалии всегда создают проблему понимания, поскольку выражаемый ими концепт, как правило, оказывается новым для реципиента, поэтому знакомство с реалией предполагает объяснение концепта: “Last but not least, the *fuling bing, a sweet snack of Chinese date paste and nuts sandwiched between very sheer rice pancakes*, looked like two flat, round pieces of styrofoam, about 4 inches in diameter, enclosing some chewy, sweet filling” [17. P. 245]. Объяснение может быть кратким, представляя собой обычное эквивалентное соответствие: “At first the young widow blamed it on *ming, fate*, that Heaven had mapped out for her; but when it became beyond endurance, she wrote a letter to her *fu mu, parents*, describing the tortures she had to put up with, and begged them to find an excuse to invite her home for a visit” [Ibid. P. 79]. Нередко название реалии употребляется после соответствующего английского эквивалента, что, очевидно, предполагает использование фонетического заимствования для экзотизации материала: “Traditionally, such rhetoric was a way of

hinting that painful structural change would take place because *foreign pressure*, or *gaiatsu*, demanded it” [18. P. 46].

Слова и морфемы английского языка используются для создания новых слов, в том числе реалий, заимствуемых другими языками, как, например, яп. *capsule hotel*, *salaryman*; кит. *gold fish*, *cultural revolution*. Такие слова обычно представляют собой кальки, переведенные по частям структуры. Другие новообразования относятся к специфическим культурным реалиям и требуют пояснения: “*Skinship* is a Japanese word most Japanese people think is an English word. It is not in the Oxford English Dictionary (OED) but one can understand why some Japanese might think it should be. The word *skinship* makes good sense to the English ear, evoking as it does the coming together of the sense of touch with the concept of kinship” [19. P. 179]. Вероятно, ассоциации у реципиентов других культур могут быть разные, поэтому однозначного истолкования данного слова в речи нет, что свидетельствует о проблеме понимания данного слова при отсутствии объяснения.

Другой пример — японская реалия *silver seat* — место для пожилых людей в общественном транспорте. Внутренняя форма реалии достаточно прозрачна, но контекст и понимание ситуации все-таки помогает идентифицировать значение: “According to police, the woman, identified as condominium manager Tamiko Masuda, yelled at the 18-year-old youth because he wouldn’t get up and vacate the silver seat” [20]. Если это слово будет произнесено японцем в устном контексте на японский манер, фонетические трудности добавятся к семантико-словообразовательным и проблемы понимания слова удвоятся: “Another popular term is *shirubā shito* [‘silver seat’], a seat reserved for the elderly in buses and trains” [21. P. 462].

Калькированные выражения и сложные слова могут нести образный потенциал, будучи метафорическими или метонимическими переносами; в таких случаях комментарий по поводу значения слова чрезвычайно необходим. Ср.: кит. *paper tiger* — «тот, чья сила сильно преувеличена, кто внешне кажется властным, сильным и опасным, а на самом деле (внутри) слаб и часто безволен» и яп. *paper driver* — «водитель, имеющий права, но не практикующий вождение».

Калькированные слова выражения могут представлять собой «ложные друзья переводчиков», что составляет еще одну семантическую проблему для их понимания: кит. *barefoot doctor* — «сельский фельдшер», а вовсе не босоногий доктор; *Red Guards* — китайские хунвэйбины, представители радикально настроенной молодежи в годы Культурной революции, а не красногвардейцы.

Особенно значима роль контекста для понимания слов с измененным значением. В китайских медиа, выходящих на английском языке, появился заголовок статьи *Suifenhe port of entry to remain closed* [22], из которого, не зная географических особенностей региона, можно было бы предположить, что речь идет о речном порте. Однако в данном случае слово *port* имеет значение «пограничный пункт, через который проходит автомобильная дорога», что далее подтверждается сочетанием *the highway port of entry*. В другой статье газеты “China Daily” говорится о *Suifenhe, a railway port on the China-Russia border in Northeast China’s Heilongjiang province* [23] — пограничной железнодорожной станции на сухопутной китайско-русской границе, отделяющей Приморский край от провинции Хэйлуцзян.

Сложнее ситуация складывается с пониманием слов, имеющих переносное значение и связанных с культурно-историческими фактами. Так, например, в XIX в. в английском языке появился глагол, образованный от названия китайского города-порта Шанхай — *to shanghai*, значение которого «тайком, с помощью алкоголя или наркотиков, увести человека на чужой корабль и сделать его рабом». Пример такого употребления находим в романе Д. Силвермана “Tairo”:

Lawbreakers are put in jail and fined. For repeat offenders, the police have an understanding with the Iron Duke. They hand them over to Duke’s shanghai gangs and the villains are soon working at sea [24. P. 55].

(Нарушители закона отправляются в тюрьму или штрафуются. Для лиц, совершивших повторное преступление, у полиции есть договоренность с Железным Герцогом. Полицейские передают преступников головорезам Герцога, насильно увозящим их на суда, и вскоре злодеи работают в море.)

Чтобы русские читатели романа поняли это предложение, им необходимы фоновые знания и обращение к словарю, тем более что в русском языке переносное значение нарицательного существительного *шанхай* не имеет ничего общего с английским переносным значением слова: «В нашем понимании слово “шанхай” означает бедное поселение с развалюхами, где-то в криминальном районе на окраине города. Именно таким и был настоящий Шанхай — бедная рыбацкая деревушка на берегу реки Хуанпу» [25].

Необычность словосочетаний продемонстрирована на примере выражений *a highway port* и *a railroad port*. Как правило, один или оба компонента неожиданной коллокации выполняют роль мини-контекста, актуализирующего догадку о значении всего сочетания. Так, от китайских коммуникантов можно услышать фразу *to play tai-ji*, где *тай-цзи* — система физических упражнений, связанных с растяжкой мышц и регуляцией дыхания. Более ожидаемым в этом случае было бы выражение *to practice tai-ji*. Однако, как объясняют китайские мастера, оказывается, существует разница между этими двумя коллокациями:

The expression 'playing Tai Chi' is not only used in the West, but also among many Chinese in the East. The crucial difference is that when you practice Tai Chi you go over and over again the dancelike movements you have learnt so as to become a good Tai Chi dancer, whereas when you play Tai Chi you nonchalantly perform dancelike Tai Chi movements to while away your time" [26].

(Выражение 'playing Tai Chi' ("игра в тай-цзи") используется не только на Западе, но и среди многих китайцев на Востоке. Значительная разница заключается в том, что, когда вы практикуете (practice) тай-цзи, вы повторяете выученные танцевальные движения снова и снова, чтобы хорошо танцевать тай-цзи, в то время как, когда «играете» тай-цзи, вы непринужденно выполняете танцеобразные движения тай-цзи, чтобы коротать время.)

Прагматические проблемы

Проблемы прагматического характера возникают в результате непонимания или недооценки каких-то культурных моментов; возникновения ложных ассоциаций, а следовательно, и коннотаций; этно- или эгоцентрического восприятия этикетных формул и ряда других причин.

Если для европейца, в том числе русского человека, многие восточные реалии ассоциируются с экзотикой, у коммуникантов из этих стран возникают чувства единения с семьей, своим социумом, гордости за свои традиции и обычаи. Об этом свидетельствуют такие высказывания относительно китайского праздника: "The Dragon Boat Festival, a traditional festival that has lasted for thousands of years, carries the profound feelings of family and country of the Chinese nation" [27].

Разница политических взглядов и идеологий также стала одной из причин различий ассоциативного восприятия. Например, для западных коммуникантов собственное имя *Mao Zedong* и образованные от него дериваты *Maoism*, *Maoist* связаны прежде всего с «одной из самых кровавых эпох в истории Китая», унесшей жизни двух миллионов человек [28] и ассоциируемой с крайне левыми радикально революционными взглядами на возможность и необходимость перманентной коммунистической революции. Совсем другое отношение к маоизму до сих пор наблюдается в Китае:

Chinese citizens are not unaware of Mao's follies, but many see Mao as a national hero nonetheless — someone who successfully liberated the country from Japanese occupation and from Western imperialist exploitation dating to the 19th century Opium Wars...We asked respondents to describe life in the Maoist era. A sizable proportion described a world of purity and simplicity, where life had clear meaning, people trusted and helped one another and inequality was minimal. In the words of our interviewees, people's "spiritual life" was richer during the Maoist era, even though their "material life" was poor" [29].

(Граждане Китая вполне осознают авантюры Мао, но, тем не менее, многие видят в Мао национального героя — того, кто успешно освободил страну от японской оккупации и от империалистической эксплуатации Западом, начавшейся с Опиумных войн XIX века...Мы просили людей описать жизнь в эпоху маоизма. Значительная часть описала ее как мир чистоты и простоты, где был ясный смысл жизни, люди доверяли и помогали друг другу, а неравенство было минимальным. По словам тех, кого мы интервьюировали, в период маоизма «духовная жизнь» людей была богаче, несмотря на то что «материальная жизнь» была беднее.)

Следовательно, восприятие текстов о Мао Цзэдуне, портрет которого до сих пор украшает центральную площадь Пекина, у европейцев/американцев и у самих китайцев наверняка будет различным. У европейцев оно окрашено в негативные тона, а у китайцев отношение к той эпохе нейтрально или даже весьма позитивно. Это все будет проявляться между строк.

Употребление многих слов китайской культуры, философии, медицины, восточных единоборств в западном обществе нередко связано с модой на здоровый образ жизни, поэтому слова типа *feng shui*, *taiji quan*, *qigong*, *karate*, *judo*, *taekwondo* имеют особенно позитивный заряд. В странах Востока они составляют нейтральный фон культуры и используются в повседневной жизни.

Неподготовленный коммуникант может оказаться в неловкой ситуации в связи с тем, что англоязычный собеседник из другой культуры использует необычные речевые формулы или входит в контакт иным способом, как это обычно делают носители знакомых данному коммуниканту культур. Например, китайские коммуниканты могут поздороваться фразами: “*Have you had eaten today? Have you had lunch?*”, поскольку такого рода фатические высказывания свойственны китайской культуре. В продолжение светского разговора можно услышать от китайских коммуникантов: “*How did you spend your day? Where are you going?*” — вопросы, которые европейцы могут показаться слишком личными, а с позиции китайского коммуниканта это лишь вежливые фразы, на которые не ожидается ответа. В недоумении выражается наш этноцентризм, неподготовленность к общению с собеседником иной культуры.

Заключение

Коммуникация на разных вариантах английского языка как лингва франка усложняет общение, так как необходимо не только уметь выразиться, но и понимать собеседника. Понимание посреднической функции английского языка, неродного для его пользователей, вызывает массу проблем на разных уровнях: формальном (фонографическом), семантическом и прагматическом. Это означает, что для успешности такого общения необходимо не только знать и владеть стандартным английским, изучаемым в качестве модели, каковой чаще всего является британский или американский вариант, но и иметь представление о дистинктивных признаках варианта коммуниканта и его культуре, обслуживаемой данным вариантом.

Восточноазиатские варианты английского языка оказываются одними из самых сложных для европейских коммуникантов, что приводит к необходимости вводить соответствующие курсы по контактной вариантологии английского языка, межкультурной коммуникации, переводу, а также обращать внимание на вариативные явления во время изучения практического английского языка. Остро стоит вопрос об интеграции контактной вариантологии в программу факультетов английского языка. Необходимы специальные учебные пособия по вариантам и справочные пособия, подобные англо-русскому контактологическому словарю «Перекресток» [30].

Литература / References

1. *Kachru B.* The new Englishes and old dictionaries: directions in lexicographical research on non-native varieties of English // *Theory and Method in Lexicography: Western and Non-Western Perspectives* / ed. L. Zgusta. Columbia, SC: Hornbeam Press, 1980. P. 71–104.
2. *House J.* Teaching oral skills in English as a lingua franca // *Principles and Practices for Teaching English as an International Language* / eds. L. Alsagoff, S.L. McKay, G. Hu, W.A. Renandya. New York; London: Routledge, 2012. P. 186–205.
3. *Meierkord C.* Interactions across Englishes. Linguistic choices in local and international contact situations. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
4. *The routledge handbook of English as a lingua franca* / eds. J. Jenkins, W. Baker, M. Dewey. London; New York: Routledge, 2018.
5. *Firth A.* The discursive accomplishment of normality. On “lingua franca” English and conversation analysis // *Journal of Pragmatics*. 1996. No. 26. P. 237–259.
6. *Jenkins J.* English as a lingua franca: interpretations and attitudes // *World Englishes*. 2009. Vol. 28. No. 2. P. 200–207.
7. *Seidlhofer B.* Understanding English as a lingua franca. Oxford: Oxford University Press, 2011.

8. *Smith L.* Spread of English and issues of intelligibility // *The Other Tongue: English across Cultures* / ed. B. Kachru. Urbana, Chicago: University of Illinois Press, 1982 (1992). P. 75–90.
9. *Nelson C.* Intelligibility in world Englishes: theory and application. New York; London: Routledge, 2011.
10. *Clyne M.* Pluricentric languages. Introduction // *Pluricentric Languages: Differing Norms in Different Nations* / ed. M. Clyne. Berlin; New York: Mouton De Gruyter, 1992. P. 1–10.
11. *Smith L.* Familiar issues from a world Englishes perspective // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: Языки и специальность.* 2016. № 1. С. 14–18.
- Smith L.* Familiar issues from a world Englishes perspective // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniia: Iazyki i spetsial'nost'.* 2016. No. 1. S. 14–18.
12. *Кабакчи В.В.* Межкультурная коммуникация: «внутренний перевод» // *Studia Linguistica 9. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка.* СПб.: Тригон, 2000. С. 65–75.
- Kabakchi V.V.* Neissledovannyi vid perevodcheskoĭ deiatel'nosti: "vnutrennii perevod" // *Studia Linguistica 9. Kognitivno-pragmaticheskie i khudozhestvennye funktsii iazyka.* St. Petersburg: Trigon, 2000. S. 65–75.
13. *Прошина З.Г.* Межкультурная коммуникация: Английский язык и культура народов Восточной Азии. М.: Юрайт, 2020.
- Proshina Z.G.* Mezhekul'turnaia kommunikatsiia: Angliiskii iazyk i kul'tura narodov Vostochnoi Azii. Moscow: Iurait, 2020.
14. *Lexico:* Powered by Oxford. UK dictionary. 2021. URL: <https://www.lexico.com/> (30.10.2021).
15. Слог и ритм английской речи в странах Восточной и Юго-Восточной Азии (Китай, Республика Корея, Япония, Вьетнам, Таиланд) / под ред. Л.П. Бондаренко. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007.
- Slog i ritm angliiskoi rechi v stranakh Vostochnoi i Iugo-Vostochnoi Azii (Kitai, Respublika Koreia, Iaponiia, V'etnam, Thailand)* / pod red. L.P. Bondarenko. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2007.
16. Hanyoreh. 2006. July 4. URL: <https://www.hani.co.kr/arti/PRINT/138299.html> (03.11.2021).
17. *The Asian Pacific American heritage: A companion to literature and arts* / ed. G.J. Leonard. New York; London: Garland, 1999. 690 p.
18. *Time.* 1997. June 23.
19. *Gregory C.* Skinship: Touchability as a virtue in East-Central India // *HAU: Journal of Ethnographic Theory.* 2011. Vol. 1. No. 1. P. 179–209. URL: <https://www.haujournal.org/index.php/hau/article/view/16> (02.11.2021).
20. *JapanToday.* 2010. July 9. URL: <https://japantoday.com/category/crime/elderly-woman-arrested-for-beating-youth-sitting-priority-seat-of-bus> (02.11.2021).
21. *Backhaus P.* Coming to terms with age: Some linguistic consequences of population ageing // *The Demographic Challenge: A Handbook about Japan* / eds. F. Coulmas, H. Conrad, A. Schad-Seifert, G. Vogt. Leiden; Boston: Brill, 2008. P. 455–471.
22. *ChinaDaily.* 2020. 12 Apr. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202004/12/WS5e92ec2ca3105d50a3d1591d.html> (03.11.2021).
23. *ChinaDaily.* 2021. 13 Oct. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202110/13/WS61664e8aa310cdd39bc6ea30.html> (03.11.2021).
24. *Silverman D.* *Tairo: The Great Elder.* London: Diamond Books, 1994. 494 p.
25. Турбина.ру. 2013. URL: <http://turbina.ru/guide/Shankhay-Kitay-127883/Zametki/Russkie-v-Shankhae-75405/> (04.11.2021).
26. Wang Kiev Kit. 1998. URL: <http://www.dotaichi.com/articles/PlayorPractice.htm> (04.11.2021).
27. *Teller Report.* 16.06.2021. URL: <https://www.tellerreport.com/news/2021-06-16-chinesae-taste-during-the-dragon-boat-festival--deep-feelings-of-patriotism.Hy3AFnwou.html> (04.11.2021).
28. *The Guardian.* 2016. May 11. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/may/11/the-cultural-revolution-50-years-on-all-you-need-to-know-about-chinas-political-convulsion> (04.11.2021).
29. *The Washington Post,* 2019, May 29. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2019/05/29/why-maoism-still-resonates-china-today/> (04.11.2021).
30. *Прошина З.Г.* Перекресток: Англо-русский контактологический словарь восточноазиатской культуры / под ред. Дун Чжэнминя, Л.П. Бондаренко. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004.
- Proshina Z.G.* Perekrstok: Anglo-russkii kontaktologicheskii slovar' vostochnoaziatskoi kul'tury / pod red. Dun Chzhenminia, L.P. Bondarenko. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2004.

Прошина Зоя Григорьевна,

доктор филологических наук, профессор
кафедры теории преподавания иностранных языков
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Proshina Zoya G.,

Doctor of Philology, Professor of the
Theory in Teaching Foreign Languages Department
Lomonosov Moscow State University

e-mail: proshinazoya@yandex.ru

